

— Господи, ты ли это? А я уже решил, что ты не при-дешь.

— Уа-уа? — не понял Свисток.

Мужчина, наконец, определил, что говорили с ним из открывшегося где-то вверху окна, и, протянув в направлении Свистка руки, взмолился:

— Хэлп ми. Плиз, хэлп ми!

— Омайгад! — выдохнул Свисток, хватаясь за сердце, насквозь пронзенное чувством сострадания к бедолаге.

— Ам-каминг! Ам-каминг!

Как подхваченный ветром лист, он вылетел на кухню и, схватив нужный ключ, бросился вниз спасать несчастного. И на этом мы всю компанию и оставим с надеждой, что Свистку, уже к Новому году испутившему последний вздох, зачтется этот душевный порыв. Что до освобожденного наконец Вячеслава Михайловича, то, чертыхаясь, он захромает в ближайший банк, чтобы снять деньги, а оттуда — в ресторан, где его ждет переволновавшаяся Ната. Но прежде, чем подойти к ней, он на минуту задержится в дверях и, посмотрев на нее со стороны, на невероятно элегантную худощавую женщину с короткой стрижкой и чудесными карими глазами, подумает, как ему все-таки повезло в этой жизни. А потом они поедут домой и счастливо заснут друг у друга в объятиях на красивой итальянской кровати.

Ну вот, пожалуй, и все. А что до того, что кому-то пригрелось, так это только пригрелось и будет забыто, как забывается все плохое, увиденное во сне.

Нью-Йорк

ДАЛЬШЕ БЫЛО ВОТ ЧТО...

Пирамида желаний

Кусочки растрепал всем, в каком секторе находится черный ящик. Пришлось перепрыгивать. Охрана не серьезна, идет на подкуп. Вчера донесли, что Ласта опять смеялась на рабочем месте, а это чревато выговором старшего по группе, да и от шефа пока не было никаких вестей, а это могло означать все, что угодно. Ласту дезавуировали и вывели из сектора. На дорогу дали, как всегда, пакет от тетрапака, булочку, колготки (у нее 20 DEN). Конченная девка. Потом — разбор полетов: то, да се. Убрали еще двоих. Мужики не обижались. Правда, никто их не спрашивал, вывели в овраг, да и все. Шеф так и не позвонил, а мы — со старшим. Охрана, я уже говорил, ненадежна. Вчера проводил с ними тренинг по Абрахаму Маслоу — ни черта ребята не понимают. Пришлось разяснять всю пирамиду. Когда добрался до самоактуализации, увидел, что говорить практически не с кем. Рокфор завалился уже на первом вопросе о потребностях в равноправных контактах с партнерами. Нажрался и спал. А Гошин даже пристрелить попросил. Что такое позиция неформального лидера? Что такое оппозиция? А черный ящик что такое, сучьи дети?! Ну, говорить... а шеф не звонит. Притворяется, что мы тут ведущие. А он вроде ведет... хитер страшно. Старший уже вторую ночь не спит. Я — третью. Если так и дальше пойдет, мы эту работу выполним. Он будет доволен. Я еще раз перепрыгал коробку. В контакте — все было бы сложнее. Пришел бы его. Да, а все — в отпаде. Один в улете... Винт, блин.

Хотел с Кусочкиным провести воспитательную работу, но тот — как сквозь землю... безответственность полная. С кем работать? Врагу не пожелаешь... пойти, что ли, кубарь себе взять?

Vale

Небольшой человек зашел в маленький кабинет.

— У вас есть для меня время?

Маленького роста женщина в теплой кофте внакидку опустилась на стул.

— Садитесь.

— Раздеться можно? — несмело взглянул ей в глаза. Снял куртку, прошагал к ее письменному столу, в угол, к вешалке. — Мороз...

Она кивнула. Небольшой человек повел острыми ушами и сел напротив.

— Не могу молиться! Ангелы — на глазах в... знаете, кого обращаются? Маленькая женщина приподняла плечи и почему-то их не опустила:

— Да?

Он продолжил:

— Я сейчас на вас смотрю, а рядом с вами — я. И страшный. Вот так. Женщина понимающе кивнула. Человек осмотрел кабинет:

— Попить можно?

— Там не кипяченая! — поспешила женщина.

— Ну и что? — снисходительно взглянул на нее человек и стал пить из пластиковой бутылки водопроводную воду. Остаток вылил в горшок с традесканцией. Женщина взглянула на путь отхода.

— А одна дверь-то! — улыбнулся человек. — Если бы они меня не собрались уморить этими лекарствами, я бы сам дошел. Сам!

Его бледное лицо, узкий безгубый рот, маленькие белые глаза, чахлая растительность подбородка... Женщине захотелось взглянуть в зеркало, вновь познакомиться с собой, вспомнить... Его лицо притягивало взгляд.

— А вы не чувствуете... — сказала она первое, что пришло в голову, — не чувствуете головных болей?

Психдиспансер был рядом. Здесь была бухгалтерия, и учетчица по материалам, Тоня, вышла за заваркой для чая. Зинаида Петровна оставалась одна. Больные и раньше забредали сюда, но Тоня, девушка крупная, быстро вытесняла их из комнаты и захлопывала дверь. Впервые Зинаида Петровна оказалась одна...

— Я познакомился со Светой, а у нее муж. Он выпивает. Ну, я тоже иногда, — продолжал больной, — но я же не подливаю отравы, так ведь?

— Да-да... — поддержала его Зинаида Петровна, — зачем же подливать?..

— Головных болей... — хитро сощурился человек. — Бывает! Но это оттого, что голову распирают образы. Я иду, а они — из меня: шшур-р-р... Дальше было вот что...

Зинаида Петровна слушала рассказ, не решаясь встать. Прямо возле локтя больного, на полке книжного шкафа, привольно раскинулся кухонный ножик, которым бухгалтерия в обеденный перерыв резала хлеб и колбасу.

— Ну, что скажете? — остановился больной.

Зинаида Петровна подумала.

— Как вас зовут? — спросила она наконец.

— Ричард.

— Ричард, у вас родные есть, дом?

— Родные! Пятнадцать человек! Сегодня...

— Что сегодня? — заволновалась Зинаида Петровна.

— Да, ничего... — больной задумался. Потом поднял тяжелый взор на собеседницу. — Так вы говорите, не обращать внимания?

— Нет, — твердо заявила Зинаида. — Они плохо делают, а вы — не отвечайте. Вы же хороший человек? Наоборот! Цветов купите, придите к родственникам. Посидите у них! Скажите им: Ричард о вас помнит... И подарите... Маме, или... кому? Мама есть?

У Ричарда появились слезы:

— Мама... Где она? Уехала... И не пишет.

— А вы напишите ей сами! — горячо воскликнула Зинаида Петровна. — Напишите: как ты, мамочка? Как здоровье?

— Она... — Ричард замолчал. — Спасибо. Воды попил, спасибо. Пойду. Ричард оделся, повернулся в двери:

— А с образами что делать?

— Нарисуйте их! Знаете, как это красиво! И лекарства — пейте, пейте. Врачи плохого не выпишут. Надо попить! — уже лепетала Зинаида, глядя на Ричарда, уходившего и сталкивавшегося в дверях с Тоней.

— До свидания.

Через три недели он заглянул. Эту дверь они вечно забывали закрывать на ключ. Уши не шевельнулись ни разу. Взгляд был веселым.

— Спасибо, доктор, вы так помогли. Сам не знаю, что бы со мной было, если бы не вы... Вот, — сунул он в левую руку Зинаиды Петровны смятый листок. — Письмо... Ответила мама. А года три уже... Я даже не думал, что она в Василевке. Ну, вы — докторица... Я еще таких не видел, десять лет на учете, а таких, чтобы прямо в точку!.. Я живу теперь, как заново. Родня не узнает!

Ричард раскланялся и вышел. Зинаида Петровна разжала правую руку, державшую под столом ножик, и потеряла свой шейный позвонок.

Finita

Две невероятно похожие друг на друга дамы, худощавые, длинноносые, с выбивающимися из-под беретиков седовато-черными волосами, одетые в роскошные былой роскошью, ныне просто длинные, широкие плащи с воротниками — у одной изнутри, у другой — стриженного "серого кролика", — обе совершенно "наши", едут по скоростной трассе мимо железнодорожного вокзала в желтых "Жигулях". Обеих по смешному совпадению зовут Еленами Борисовнами. Их везет Виктор, муж той, что

одета в "нутрию", пенсионер, бывший моряк-электромеханик, сумевший воплотить свою мечту о машине пятнадцать лет тому назад, и с тех пор не вылезавший из-под нее все свободное время. Эта летучая тройка собирается на ответственное мероприятие, которое случается каждые три-четыре месяца — утренник в детском саду, где воспитывается их четырехлетняя внучка. Им давно кажется, что все разорено вокруг, рядом и далеко, в душах и вовне, в государстве и родных парадных: мир перевернулся без их участия, и изменились госуправление, экономическая система, правовые нормы и общественные вкусы... У "серого кролика" куда-то сбежал муж, у "нутрии" потеряна хорошая работа, и теперь есть плохая, отнимающая гораздо больше времени и сил. Их дети разошлись, не прожив и трех лет вместе, и, повторно устраивая свою судьбу, редко заглядывают к родителям. Постепенно исчезают, забывают дорогу в их беднеющие дома друзья и знакомые, а по квартирам ходят только старые коты, собаки, распространяя зловоние... Елена-первая своих обожает, Елена-вторая смотрит на них с отчаянием, но дела это не меняет. Обе продолжают ухаживать за всеми, как ухаживали всегда за своими чадами и домочадцами, друзьями детей и всеми существами, которые появлялись в их домах по разным обстоятельствам и причинам. Растя детей, живя в чужих углах, работая в своих учреждениях, носясь по пустым магазинам в поисках "еды", ломая головы над тем, как прожить, дожить и выжить, они много лет бились в каких-то невидимых битвах, преодолевая сопротивление неодушевленного, но непобедимого противника, поэтому так странны их одежды, жестки черты лиц и принужденно улыбки глаза. Сейчас они едут, оставляя вокзальную решетку справа и памятник Ленину слева, читая про себя призывы "таких-то — в мэры и президенты" и рекламные слоганы о машинных маслах и косметике, и безмолвно слушают то, что несется из коротковолнового приемника: — вопли Водоплясова и Тату. У них есть цель, и они торопятся... Сейчас они окажутся в коридоре детского сада, пропахшего картофельным поре, хлоркой, мылом, комнатными растениями и свежесмытыми лестницами, маленькая Юлечка, худенькая, бледная черноглазая девочка ждет праздника. Она напряженно-серьезна и почти не отвечает на радостные клики родни. Она высматривает кого-то другого. Маму. И действительно, из-за их голов выглядывает отпросившаяся с работы мама, — и наряд лисички (или морковки?) у нее в руках. Напряжение разряжается радостным писком. Переодевание. Горлопливые поцелуи, и ребенка уводят в строй, вереница детей отчужденно тянется в "большую группу" — просторное помещение, украшенное увяд-

шей листвой и цветными шарами. Музыкальный руководитель играет марш, дети маршируют к своим местам и садятся. Торжественная, раскрасневшаяся воспитательница со своей серьезной помощницей, вчерашней выпускницей педагогического училища, делают знаки, подают сигналы, подталкивают зазевавшихся. Праздник должен состояться. Потные, в куртках и плащах родители сели и стоят в дверях. Под музыку дети выходят для хоровода и общего пения. Сценарий осенней сказки об овощах остается непонятным большинству собравшихся, да это и не нужно. Каждый овощ будет вытолкнут в центр круга в свое время и проговорит свои слова, оперенные простенькой рифмой. Правда, никто уже не тащит из земли репку, дедка не зовет на помощь бабку, внучку и жучку, никто не гоняется за Чиполлино, и нет синьора Помидора или глупых лимончиков — сложные сказки прошлого исключены из программ. Но дети очень взволнованы, мамы непрерывно аплодируют, и музыка предлагает гопак и веселые польки. Вишенка, подружка Юлечки Оксана, непрерывно поправляет напозающую на глаза листву, у близнецов Антона и Миши, танцующих с повернутыми в сторону мамы страдальческими лицами, перепутались и сплелись кудрявые усы горошка, и они не могут отойти друг от дружки до тех пор, пока Инна Григорьевна не разделяет их и не разводит по местам. Самый маленький, кругленький Ваня, пришедший в смокинге, "как настоящий бизнесмен", по желанию родителей в разыгрывании ролей участия не принимает, но ловко танцует, четко и громко читает стихи, крутится как юла и, вызывая общий смех, плюхается на колени сидящих детей, посматривая в сторону отца. Благоговейному вниманию нашей троицы ничто не помешает, оно приковано к любому шагу, жесту, слову внучки. Как далеко она сидит! Как часто ее закрывает то платье воспитательницы, то общая куча-мала, возникшая от столкновения неуклюжих танцоров. Но и Виктор, и обе Елены убеждены, что самая нарядная, красивая и талантливая — конечно же она, "наш воробушек"... Они радостно улыбаются, кивают в такт строчкам стихотворения, машут рукой, и Юлечка наконец улыбается им и тоже машет. Радости нет предела. Утренник подходит к концу, дети, получившие каждый свое яблоко, бегут к родителям.

Юлечка виснет на дедушке, крепко обнимает его за шею и приговаривает: — Я хочу с вами! Дедушка, миленький, заberi меня, поедem!

Степан, новый муж Юлечкиной мамы, человек обидчивый и принципиальный, тоже здесь. Он снимал праздничное действо на видео. Через минуту он будет привычно и устало отклонять предложения бабушек забрать

Юлечку хоть на вечер, хоть на пару часиков на прогулку. Он твердо знает, что его соображения, высказанные уже много раз по поводу излишнего баловства, необходимости соблюдения режима и приучения ребенка к "своей собственной семье" должны быть уяснены всеми. Под плач Юлечки, рвущейся к нашей троице, разговор заканчивается. Ребенка уводит озабоченная мама, наскоро, через плечо, сообщая о домашних новостях.

В грохочущих всеми своими запчастями "Жигулях", едущих тем же маршрутом, — томительная духота. Виктор бросает машину вправо и ругает неумелого удалого водителя внедорожника, промчавшегося мимо них. Всегда что-нибудь не так на этой дороге! После резкого толчка его спутницы возвращаются в тряское равновесие, и далее — все молчат, следя из окон машины за встречным движением и убегающими городскими пейзажами.

Два рассказа

Отрывок

— Тебе просто нужно понять, что эти люди тебе чужие. Сегодня они есть, завтра их нет. Например, как птицы — сейчас они кружат над тобой, а через пару минут улетят и будут еще где-то. А над тобой останется чистое небо, и ты спокойно будешь смотреть на облака, похожие на те, которые были здесь какое-то время назад... На самом деле твоя задача смотреть не за птицами, а за небом. Заметить какую-то деталь, запомнить, какое оно, потому как птицам на самом деле все равно.

— Птицам, наверное, вообще все равно.

— Мыслишь правильно, но люди-то не... О-па! Что с давлением?

— Падает.

— Адреналин... Видел, как падают птицы?!

— Нет.

— Ничего страшного... Мы еще поборемся. А еще дело в том, что когда в небе никого нет, оно надоедает. Хотя тут, похоже, нет шансов... Что стимулятор? Почему замерли? Стимулятор готовь!.. Убрали руки! Руки убрали! Чисто! Как чистое небо... Пульс?!

— Пульса нет.

— Давай еще! Чисто!.. Пульс? Не слышу!

— Есть... 20.

— Знаешь, мне иногда кажется, точнее, снится, что я лежу на столе и в то же время стою рядом — реанимирую сам себя. И если я не спасу сам себя, то меня уволят с работы. Бред какой-то. Давление?

— 60 на 20.

— Вот так, студент. Как думаешь, выживет?

— Не знаю.

— Ну как ты это себе ощущаешь? Какое-то ощущение у тебя есть?

— Я думаю, все-таки выживет.

— Почему?

— Какая-то уверенность... она исходит от вас.

— От меня? — и тут Александру Александровичу Буглинскому стало не по себе, словно он забыл выключить чайник дома. "Зачем это все?! — пронеслось в голове. — Хотя, это, может быть, просто лезть".